

С.Ю. САПРЫКИН. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. Москва: Наука, 1996. 348 с.

Противостояние и единение двух совершенно разных по уровню своего развития и идеологии миров – эллинского и варварского, пожалуй, самое яркое выражение нашло в Понтийском царстве. Это во многих отношениях уникальное государственное образование эллинистического типа привлекает внимание многих ученых мира начиная с XVI в. Недавно изданная монография С.Ю. Сапрыкина представляет собой в общем значительную часть его разносторонних исследований в области античной истории и археологии. Монография посвящена Теодору Рейнаку, который многие годы своей жизни отдал изучению Понтийского царства. Таким образом, автор подчеркивает преемственность между столетней давности книгой выдающегося французского ученого, считающейся до сих пор классическим исследованием об этом государстве, и собственной. В русской и советской литературе – это первое специальное исследование, в котором объединена история Понта при Митридатах и Птолемидах, проведена сравнительная характеристика их государственно-правовых структур, внутренней и внешней политики на протяжении всего периода их царствования.

Тщательный анализ разнообразных источников, во многом критический подход к работам предшественников, стремление к объективному переосмыслению античной литературной традиции позволили С.Ю. Сапрыкину выделить 14 наиболее спорных, малоизученных или еще совсем неизученных вопросов по данной проблематике, что и предопределило авторскую концепцию непрерывного политического и социально-экономического развития этого во многих отношениях оригинального греко-варварского государства: от первоначально небольшого царства в Восточной Анатолии до обширной причерноморской державы при Митридате VI Евпаторе, превратившейся в итоге в заурядную римскую провинцию во время правления Птолемеона II.

Структура монографии С.Ю. Сапрыкина соответствует основной концептуальной линии. Наиболее глубоко рассмотрена сущность политики и социально-экономических условий при многолетнем царствовании Митридата Евпатора, сумевшего на какое-то время воплотить в жизнь генеральную идею своих предков – создать крупную и могущественную державу. Чтобы разобраться, почему и каким образом только ему удалось достичь такой цели, автор последовательно исследует вопросы о происхождении династии Митридатидов, образовании и постепенном расширении владений первых понтийских царей в III в. до н.э. (Митридата I Ктиста, Ариобарзана, Митридата II и Митридата III), характерные черты и особенности политической истории при Фарнаке I, Митридате IV Филадельфе и Митридате V Эвергете. Особое значение приобретают здесь разноречивые сведения, сохранившиеся в сочинениях древних авторов, которые позволяют не только составить список царей с хронологией их правления, но и представить их генеалогическую таблицу начиная со времени Дария, сына Гистаспа. Хотя она, как отмечается в монографии, «не претендует на исчерпывающую точность, особенно в той части, которая касается Ариаратидов», тем не менее дает наглядное представление об их генеалогии, свидетельствует о сохранении имен правителей на протяжении 16 поколений.

Заслуживает внимания и принципиальная позиция автора, обосновавшего гегемонистскую политику понтийских царей, которые объявили себя преемниками последнего ахеменидского царя Дария III и закрепили это принятием так называемой «эры Отанидов» (336 г. до н.э.). Каждый из них стремился расширить территориальные владения за счет других государств и греческих городов, укрепить свою власть над соседними народами и племенами, выказывая при этом любовь к эллинской культуре и стараясь не нарушить исконные традиции. В такой связи, очевидно, следовало бы глубже затронуть вопросы о живучести идеи наследственной власти и источниках ее пропаганды в разные периоды истории Понта, роли отдельных храмов и жрецов в распространении этой «священной» идеи среди различных слоев населения. При том глобальном синкретизме во многих культах божеств в Понтийском царстве, который нашел особенно яркое отражение в моментной символике, видно, сколь большое значение в воспитании наследников престола как преемников Ахеменидов имели святилища, явно тоже заинтересованные в его территориальном расширении и обогащении. Почти все Митридатиды охарактеризованы как монархи, проводившие самостоятельную политику по отношению к разным народам и культовым центрам. Так, автор отмечает усиление филэллинской политики Фарнака, перенос им столицы в Синопу, налаживание контактов с другими греческими центрами, демонстрацию его симпатий Риму, оказывавшего все большее влияние на

экономическое развитие полисов, пропаганду символики синкретических культов на монетах основанной им Фарнакии, создание лично им особого культа Мена-Фарнака в ипостаси справедливого богоизбранного правителя. Однако при этом остается неясным, какое влияние во всех этих проявлениях деятельности Фарнака сыграло его ближайшее окружение, понтийская знать и жрецы, чаще всего имевшие царское происхождение.

Исследователей истории античных государств Северного Причерноморья, вне всякого сомнения, заинтересует вторая часть монографии – «Превращение Понтийского царства в мировую державу при Митридате VI Евпаторе», занимающая по объему и широте рассмотренных вопросов значительное место. Несмотря на то что именно Понту при Митридате Евпаторе и его войнам посвящено наибольшее количество научных трудов, автор сумел выделить и остановиться подробнее на тех вопросах, которые, по его мнению, вызвали дискуссию или остались малоисследованными.

Отмечая, что в науке существуют диаметрально противоположные подходы к трактовке ряда важнейших событий на Понте в ранний период царствования Евпатора, С.Ю. Сапрыкин начинает их выяснение с разбора монет, в частности, их символики – это дает представление о главных направлениях в его политике и религиозном мировоззрении, хотя слишком подробный анализ нумизматики иногда уводит от главной задачи. Можно соглашаться или не соглашаться с автором относительно хронологии и интерпретации конкретных изображений на «понтийской анонимной меди», полноты анализа религиозного фактора в деятельности Евпатора, однако в общем нельзя не признать, что перед нами удивительный сплав эллино-иранской символики и явное свидетельство о развитии и пропаганде синкретических культов в Понтийской державе.

Отталкиваясь от напряженной обстановки, сложившейся в Северном Причерноморье в связи с возросшей агрессивностью поздних скифов, сарматов, галатов, бастарнов и других этнических объединений, а в соответствии с этим ухудшения социально-экономического положения на Боспоре, в Херсонесе, Ольвии, Тире, С.Ю. Сапрыкин показывает, как постепенно, опираясь на южнопонтийский город Аμισ, Митридат VI начал проводить свою экспансионистскую политику в данном регионе. По мнению автора, понтийский царь заранее, перед столкновением с Римской республикой решил создать прочный тыл и могущественную державу за счет причерноморских территорий, которые в то время еще не вошли в сферу влияния римлян. При этом любопытно было бы проследить, почему Евпатор занимался этим не лично, и какую роль в северопонтийской экспансии, как и вообще в действиях этого правителя, в ранний период сыграл Аμισ и приверженцы царя из этого города.

Особый интерес представляют рассуждения автора о Савмаке, которому посвящено много работ, особенно в советской науке. Хорошо известно, что он длительное время считался предводителем восстания скифских рабов на Боспоре, будучи и сам по происхождению рабом. В настоящее время, после исследований С.Я. Лурье, Э.Л. Грейс, Ю.Г. Виноградова, А.К. Гаврилова, а теперь и С.Ю. Сапрыкина, вряд ли кто-либо станет возрождать старые взгляды на причины и характер «восстания Савмака». Другое дело, что все еще окончательно нерешенным остается вопрос о том, кто же на самом деле был «воспитанником» последнего боспорского царя из династии Спартокидов – Перисада V. В монографии таковым считается сам Евпатор, в рассмотренных автором работах предшественников предпочтение отдается все тому же Савмаку, но уже как скифскому царевичу, Диофанту или же, что вряд ли возможно, одновременно и Диофанту, и Митридату VI. Действительно, пассаж из херсонесского декрета не дает четкого и прямого ответа на вопрос, кого именно воспитал Перисад V. Но борьба Савмака за власть на Боспоре и его отправка к понтийскому царю указывают скорее всего на его принадлежность к царскому роду.

Кроме того, автор рассматривает военную политику Евпатора не только по отношению к северопонтийским государствам и прилегающим к ним отдельным этнополитическим образованиям, но и к прибрежным территориям Западного и Восточного Причерноморья, а также Фракии, Колхиды и Малой Армении. В результате разбора всех источников, главным образом нумизматических и эпиграфических, С.Ю. Сапрыкин полагает, что создание Панпонтийской державы не было единовременным актом. Бесспорно, он прав в этом, как и в том, что филэллинская политика этого царя в Причерноморье приносила свои плоды и способствовала укреплению его власти над подчиненными городами только тогда, когда между ними развивались экономические связи. Однако явные противоречия и неясности улавливаются в том, что, с одной стороны, Ольвия, Херсонес и Боспор до 90–85 гг. рассматриваются как единая политико-административная и экономическая зона в державе Евпатора (с добавлением к ним в середине 80-х годов Колхиды); а с другой, – как показывает храмовая чеканка – все перечисленные регионы также входили в ее структуру и рассматривались как «старинные» владения Понта. Относительно Ольвии имеется слишком мало источников, чтобы можно было уверенно

говорить о продолжительном прямом подчинении понтийскому царю вплоть до его смерти в 63 г. до н.э., тем более, что как в период вхождения в Понтийское царство, так и очевидно, во время автоматического выхода из него Ольвия как город и государство резко отличалась в социально-экономическом и демографическом плане от других причерноморских центров, находясь в крайне тяжелой ситуации и занимая уже значительно меньшую площадь, чем в III в. до н.э.

Проблема взаимоотношений Понта с Римской республикой, особенно при Митридатe VI, разрабатывалась многими исследователями, поэтому С.Ю. Сапрыкин правомерно затрагивает лишь основные ее направления. Им нарисована общая картина захвата царем многочисленных земель варваров и эллинских городов, в том числе и в самой Элладе, которые он то присоединял к своей державе, то снова терял в результате неудач в войнах с римлянами. Военное, политическое и экономическое противостояние между двумя самыми сильными в те времена державами продолжалось почти 26 лет, получив в истории название Митридатовых войн; в результате воинственный и тщеславный Евпатор не только погиб сам, но и созданная им держава распалась, расчистив таким образом путь римлянам на Восток.

В свете сказанного все же интересно было бы проследить, сыграло ли в создании причерноморской державы какую-то роль то, что принято называть роковой случайностью. Ведь нельзя не признать – впервые именно Херсонес Таврический, избежав от нападений скифов, обратился к понтийскому царю за помощью. Относительно быстрое и легкое подчинение северопонтийских государств с прилегающими к ним варварскими территориями могло изменить взгляды Евпатора на войну и дать толчок к дальнейшим гегемонистским планам, тем более что в военных столкновениях он не принимал личного участия. Вообще, отказ С.Ю. Сапрыкина от рассмотрения понтийско-римских войн представляется напрасным, поскольку политический портрет этого самого трагичного в античной истории правителя наиболее ярко вырисовывается при их объективном и тщательном анализе.

Много внимания в монографии уделено также сложной проблеме социально-экономических отношений в Понтийском царстве, занимающей, как представляется, одно из ведущих мест в авторской концепции. Здесь детально и во многом по-новому исследуются две категории землевладения на примере самых крупных городов с их собственными хорами (Амасия, Синопа, Амис) и округов (стратегий), являвшихся царскими владениями. Для С.Ю. Сапрыкина важно выяснение вопроса, в каких населенных пунктах жило население на царской земле, по какому принципу организовывалась территория, в чьих руках находилась основная часть земельного фонда, что стало залогом быстрого роста военного могущества Понта и т.д. При Митридатe Евпаторе произошли изменения, заключающиеся в значительном усилении охраны царской хоры путем строительства новых укреплений, а также в предоставлении полисной автономии, в том числе и права на владение определенным количеством земли, что в итоге усложнило всю систему управления территориальными владениями. Отмечая отсутствие единства взглядов на вопросы о положении храмовых общин и соотношениях царских, полисных и храмовых земельных владений, о статусе разных групп населения храмовых общин, автор дает свое представление о главных храмовых центрах (Команы, Зелы, Кабиры, Тианы, Анисы), определяет их место в структуре царства, социальное и правовое положение различных категорий служителей культов, показывая их сложные связи с понтийскими царями и римлянами. Однако только в таком понимании положения храмовых объединений кроются противоречия: все-таки цари опирались в своей деятельности на определенные храмы, которые их во всем поддерживали (например, Фарнак I – на Кабиру, Митридат VI – на Коману), содействуя их самостоятельности, привлекая симпатии других слоев населения, увеличивая богатства храмов, очевидно, признавая их роль в идеологической и культурной жизни государства. Не исключено, что Митридат VI свои полулегендарные семь лет изгнания провел в одном из храмовых центров, жрецы которого из рода Митридатидов были особенно заинтересованы в выполнении «священной» задачи понтийских царей, внушив ему его особое предназначение в этом деле.

Не обойдены вниманием и довольно сложные земельные отношения в Северном и Восточном Причерноморье, земли которых так или иначе входили в зону подчинения Митридату Евпатору. Наиболее интересны археологические памятники Боспора, где открыт целый ряд укреплений митридатовского времени и где явно проявилась политика понтийских царей; относительно же Ольвии, как отмечалось выше, ничего подобного сказать нельзя. К периоду вхождения в Понтийское царство ею уже давно была утрачена обширная хора, произошло резкое снижение численности населения. Находясь в обстановке постоянной угрозы со стороны варваров с выплатой им дани и внутренней общественно-экономической неустойчивости, этот город сам нуждался в помощи и вряд ли в такое время чем-либо, особенно в войнах с Римом,

мог помочь Митридату. Возможно, поэтому в отличие от Боспора и Колхиды здесь отсутствуют укрепления даже на ближней хоре.

С.Ю. Сапрыкин, конечно, прав в том, что одна из причин непрочности Евпаторовой державы кроется в его политике: считая себя верховным земельным собственником, он противопоставлял царские земли полисным, ограничивал автономию городов, будучи заинтересованным только в создании военного могущества Понта и укреплении армии, с помощью которой он мог вести продолжительные войны, забывая при этом, в каком состоянии находятся уже покоренные им народы и племена. Под маской бога Диониса он привел созданную им Панпонтийскую – во многом иллюзорную – державу к плачевному финалу.

Последние вопросы, которые соответственно поставленным задачам рассматриваются в монографии, – это падение династии Митридатидов и кратковременное существование государства при Полемонидах. С.Ю. Сапрыкин подробно останавливается на малоисследованном вопросе о причинах и характере выступления последнего представителя династии Митридатидов Аршака и проводимой в Понте политике Марка Антония, заменившего в 37 г. до н.э. на понтийском престоле царя Дария Полемоном, сыном ритора Зенона, который не принадлежал к ахеменидо-митридатовскому роду. Влияние Рима и его вмешательство во все дела понтийских царей из династии Полемонидов были столь значительны, что в итоге, несмотря на их проримскую ориентацию, в 63/64 г. Нерон упразднил Понтийское царство, присоединив его к провинции Галатия. Совсем иная ситуация сложилась на Боспоре, где в результате побед над Полемонидами в их союзе с Римом при сохранении определенных митридатовских традиций до конца античной эпохи продолжало существовать сильное государство по сути эллинистического типа.

Таким образом, С.Ю. Сапрыкиным в хронологической последовательности на высоком научном уровне исследована история Понтийского царства – уникального государственного образования с его ярко выраженными греко-варварскими чертами, гегемонистской политикой царей, стремившихся к его территориальному расширению под лозунгом преемственности персидских царей и Митридатидов. Границы Понта были неустойчивыми и зыбкими, часто менялись, и это неплохо было бы проиллюстрировать картами.

Главная заслуга автора состоит в том, что он в значительной степени опирается на первоисточники, и вместе с тем дает представление об огромном библиографическом аппарате. Поскольку, по-видимому, работа была написана несколько лет тому назад, литература по данной проблематике 90-х годов использована им в меньшей степени. Само собой разумеется, что такая большая, содержательная работа не лишена неясностей, просто общих фраз, противоречий, а также спорных утверждений, которые могут стать предметом дискуссии. Однако важнее всего то, что историки и археологи получили очень интересную и нужную книгу, на которую можно будет опираться в дальнейших исследованиях различных вопросов истории Причерноморья времени существования Понта. Весьма желательно, чтобы автор продолжил исследование, но уже в ракурсе религиозно-политического и культурного его развития.

А.С. Русаева

* * *

Интерес к истории Понтийского царства в той или иной степени всегда был свойственен отечественной историографии, хотя приоритет в ее обуздании до сих пор все же сохраняют зарубежные исследователи. Особенно это касается общих трудов. В этой связи появление книги С.Ю. Сапрыкина несомненное событие в нашей исторической науке, которое не может не привлечь к себе внимания. И это тем более важно, что автор концентрирует свое внимание на малоисследованных и дискуссионных вопросах истории Понта. Им рассматриваются понтийские эры и причины их изменения, происхождение династии Митридатидов, подоплека агрессивной политики Понта в Малой Азии, законность притязаний понтийских царей на те или иные территории, царское и полисное землевладение и многое другое. Впервые в отечественной историографии в столь полном объеме излагаются вопросы истории Понта после смерти Митридата Евпатора. К несомненным заслугам автора следует отнести и попытку создать законченный очерк политической истории Понта с момента его возникновения и до превращения в римскую провинцию. Большим плюсом работы является авторский анализ нумизматики Понта и представленные им в качестве иллюстрации таблицы монет.

Изложению взглядов автора предшествует введение, в котором автор дает краткий